

ИННА ВЕНИАМИНОВНА ВЕРНЕР

Институт славяноведения РАН (Москва)

Квазиопозиции в текстах и грамматиках XVI–XVIII вв. как маркеры устройства славянской категории одушевленности*

В статье на материале русского, польского, словацкого и чешского языков рассматриваются парадигматические способы выражения одушевленности. Противопоставленные способы представлены в русском языке, где одушевленные существительные маркируются исключительно *нейтрализацией* падежных оппозиций Вин. и Род., и в чешском языке, где преимущественно используется *дифференциация* флексий одушевленных и неодушевленных существительных в целом ряде падежных форм. Польский и словацкий реализуют смешанные варианты.

Материалы текстов и грамматик ранней эпохи становления славянских литературных языков отражают фиксацию в языковом сознании соответствующего способа выражения как *универсального*, что влечет за собой создание в той или иной степени искусственных оппозиций. Подобные квазиопозиции представлены в церковнославянском переводе “Доната” Д. Герасимова и переводах М. Грека, в польской грамматике П. Статориуса-Стоенского (1568), в чешских грамматиках Б. Оптата, П. Гзела и В. Филоматеса (1531), Я. Благодслава (1571) и М. Бенешовского (1577), а также в словацкой Камальдульской Библии (1756–1759).

Ключевые слова: одушевленность, славянские языки, славянские грамматики XVI–XVIII вв., переводы, Д. Герасимов, М. Грек, П. Статориус-Стоенский, Б. Оптат, П. Гзел, В. Филоматес, М. Бенешовский, Камальдульская Библия.

Отражение славянской одушевленности (здесь и далее под одушевленностью понимается соответствующая морфологическая категория¹⁾ в ранних славянских грамматиках и переводных текстах имеет свои особенности, которые, будучи любопытными образцами средневековой грамматической мысли славян, позволяют на синхронном уровне сформулировать представления об устройстве общеславянской категории одушевленности (подобно тому, как в аспектологии говорится о

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-04-00414 (“Неизвестные грамматические сочинения XVI–XVII вв.: проблема языковых ошибок”).

славянской категории вида). Поскольку “морфологически релевантная” [Мельчук 2000, 202] одушевленность представляет собой чисто славянское явление, то говорить об использовании универсальной греко-латинской матрицы по отношению к ранним славянским грамматикам в данном случае не приходится, но тем интереснее этот фрагмент грамматической системы, отражающий оригинальную языкотворческую рефлексию славянских книжников.

Сравнительно-историческое рассмотрение развития категории одушевленности в славянских языках не входит в рамки настоящей статьи; в качестве отправной точки для анализа средневековой славянской лингвистической мысли, обращенной к одушевленности, мы ограничимся лишь необходимыми замечаниями об устройстве этой категории в русском и западнославянских языках, которые отличаются как объемом форм, вовлеченных в выражение грамматической категории одушевленности, так и конкретными способами этого выражения. Хорошо известно, что изначальным семантическим основанием развития славянской одушевленности является выделение существительных со значением лица, а синтаксическим основанием — формальное различие субъекта и объекта в позиции прямого дополнения. Поэтому естественно, что уже в праславянскую эпоху развивается первичный способ расподобления Им. и Вин. лично-мужских существительных, реализуемый через совпадение другой падежной пары — Род. и Вин. Омонимия Род. и Вин. ед. ч. одушевленных существительных мужского рода — черта, объединяющая все восточно- и западнославянские языки [Иорданиди, Крысько 2000, 193–198]. В русском языке совпадение этих падежных форм является основным и достаточным маркером одушевленных имен, присутствующим в парадигме обоих чисел: в единственном числе омонимичны только существительные мужского рода, а во множественном числе — всех родов. Другие парадигматические способы выражения одушевленности (такие, как особые флексии Род. ед. ч. м. р. *-a/-y*) не получили в русском языке системной реализации. Более регулярны такие дифференцированные формы Род. в польском языке, где начиная с XVI в. *-i* является постоянным показателем неодушевленности, тогда как флексия *-a* в этом отношении немаркирована [Ананьева 1994, 162]. Похожая ситуация представлена и в чешском языке: кодифицированная литературная норма закрепляет *-i* только за неодушевленными именами, а флексия *-a* возможна как для одушевленных, так и для довольно широкого круга неодушевленных существительных [Широкова, Васильева, Едличка 1990, 84]. Но в чешской парадигме единственного числа количество позиций, где дифференцированы флексии одушевленных и

неодушевленных существительных, значительно увеличивается за счет Дат. и Предл., в которых одушевленные получают специализированную флексию *-ovi* (за небольшими исключениями). То же самое представлено и в словацком языке (*-ovi* в Дат. и Предл. — сильный маркер одушевленности), тогда как в отношении Род. словацкий язык противопоставит чешскому и польскому: флексия *-i* может характеризовать и неодушевленные, и одушевленные имена [Лифанов 1992, 6–8].

На синхронном уровне можно представить условную шкалу одушевленности, которая показывает нарастание использования дифференцированных показателей одушевленности/неодушевленности в разных падежных позициях: от отсутствия таковых в русском языке, где имеет место только нейтрализация Род. и Вин., до наложения на эти позиции нейтрализации дополнительных падежных позиций с противопоставлением флексий в польском, словацком и чешском.

Одушевленность: парадигма единственного числа мужского рода

	<i>русский</i>	<i>польский</i>	<i>словацкий</i>	<i>чешский</i>
Gen.	брата	brata/wierchu, sera	hrdinu/vrchu, syra	hrdinu/vrchu, sýra
Dat.			bratovi/vrchu	bratrovi/vrchu
Acc.	брата	brata	brata, hrdinu	bratra
Loc.			bratovi/vrchu	bratrovi/vrchu

→
“шкала одушевленности”

Во множественном числе, где для польского и словацкого языков одушевленность осложнена категорией личности или мужского лица², ситуация выглядит несколько иначе. Русский язык использует, как и в единственном числе, нейтрализацию Род. и Вин.; в польском и словацком языках представлен смешанный вариант — омонимия Род. и Вин. и расподобление мужско-личных и всех остальных форм³ в Им.; наконец, в чешском отсутствует омонимия Род. и Вин., но последовательно дифференцированы формы Им. одушевленных и неодушевленных имен как в твердом, так и в мягком вариантах склонения⁴. При этом у одушевленных выражено и противопоставление прямых падежей, то есть Им. и Вин. не совпадают. Таким образом, во множественном числе ситуация с выражением одушевленности в славянских языках еще более полярна: на одном полюсе представлена *нейтрализация* падежных оппозиций Вин. и Род. (русский язык), на другом — *дифференциация* флексий одушевленных и неодушевленных существительных в Им. (чешский язык).

Одушевленность/мужское лицо: парадигма множественного числа

	русский	польский	словацкий	чешский
Nom.		ojcowie, chłopi, filolodzy// psy, ptaki, stoły, słonie	chlapi, bratia// psi/psy// duby, stroje	vojáci, synové, hosté // stoly; muži, zpravodajové, učitelé // stroje
Gen.	студентов студенток	chłopów	bratov	
Acc.	студентов студенток	chłopów	bratov psov/psy	vojáky, syny, hosty, stoly; muže, zpravodaje, učitele, stroje

“шкала одушевленности”

Эта ситуация следующим, весьма специфическим образом отражается в славянском языковом сознании XVI–XVIII вв. Во-первых, тексты и грамматики ранней эпохи становления славянских литературных языков отражают фиксацию в языковом сознании “сильного” способа выражения одушевленности как *универсального*. То есть, церковнославянские грамматисты сосредоточены на омонимии Вин. и Род. (но у них других вариантов и нет), а авторы чешских и польских грамматик, фиксируя эту омонимию в именной парадигме, обсуждают и комментируют одушевленность на примере дифференцированных падежных форм. Во-вторых, формулируя особенности поведения одушевленных имен с помощью того или иного универсального способа, славянские книжники выстраивают в той или иной степени искусственные оппозиции. Эти *квазиопозиции* могут либо включать в себя более широкий набор падежных форм, либо прилагаться к именным формам, реально не вовлеченным в выражение категории одушевленности, либо реализовать вариант, свойственный родственному славянскому языку, обладающему более высоким культурно-лингвистическим статусом.

В церковнославянской грамматике одушевленность впервые фиксируется в переводе “Доната” Д. Герасимова, хотя он констатирует факт совпадения Род. и Вин. вне связи с одушевленностью и без упоминания этого понятия. Это позволяет связывать упоминание об омонимичных славянских падежах с другими многочисленными случаями отражения в “Донате” омонимического принципа расположения латинских падежных форм, использовавшегося для оптимизации грамматического описания и в конечном счете для лучшего запоминания. Собственно, само замечание начинается с совпадения Им. и Зват., а потом говорится о совпадении Род. и Вин. во всех списках церковнославянского “Доната”; это замечание предваряет парадигму склонения типа *fructus* — **плодъ: По словѣскомѣ**»

языкъ. во ѿменовате^аном ѿ звате^ано^а токмо. ѣдѣ^и. ѣсть гла^а [ро^аствены ѿ же] подобе^и ѣсть вино^бномъ [Donat 2002, 249]. Далее в тексте это подтверждается формами из парадигм разных типов склонений, причем в Род. и Вин. даны омонимичные формы: 1) мн. ч. м. и ж. р. (сѣхъ мастеровъ/оучителевъ, сѣхъ сопѣленъ/мростенъ, сѣхъ плодовъ), 2) ед. ч. м. р. одушевленных и неодушевленных существительных (сего мастера/оучителя, сего плода).

Помимо этого, в Казанском списке с переработанного текста 1522 г. есть следующее утверждение, вынесенное в начало изложения типов склонений и помещенное сразу после первой парадигмы *magistr* — ма^астеръ/магистеръ/учитель: В рѣском же ѿзыцѣ в' мно^жственно^а чис^лѣ ро^дственное ѿ виновное падѣние согл^асны сѣть в' члѣне і гла^сѣ [Donat 2002, 233].

Ни то, ни другое утверждение не соответствует языковой действительности, поскольку распространяет омонимию на все существительные, никак не ограничивая ее рамками только одушевленных имен. Более того, в соответствии со средневековым обобщением существительных и прилагательных в одной части речи — имени — омонимия Род. и Вин. распространена на формы прилагательных *блаженъ, счастливъ, богатъ, честенъ*, соответствующих латинскому имени общего рода *felix*. Данный отрывок в тексте Герасимова не имеет латинского подстрочника и является вставкой, размещенной в Казанском списке в соответствующем разделе грамматики, а в других списках — в конце текста. Эта парадигма прилагательных у Герасимова содержит краткие формы в номинативе и полные — в косвенных падежах. Причем в интерлинеарном тексте “Доната” присутствуют только формы Им., эквивалентные латинскому существительному *felix*, а вся остальная парадигма появляется в несоотносимом с латинским подстрочником добавлении, описывающем собственно славянское склонение [Donat 2002, 258-259]:

Род. = Вин. ед. ч. м. р.	сего бл ^ж енна ^а ° счастливаго богата ^а ° ч ^т на ^а °
Род. мн. ч. (Вин. мн. ч. пропущен)	сѣхъ бл ^ж еныхъ счастливыхъ богатыхъ ч ^т ныхъ

Местоимения *ille* — **тои**, *ipse* — **онъ**, *hic* — **сен**, *is* — **се**, *meus* — **мон**, *tuus* — **твон**, *suus* — **свон**, *noster* — **нашъ**, *vester* — **вашъ** в “Донате” Герасимова в основном тоже представлены совпадающими формами Род. и Вин.:

Род. = Вин. ед. ч.	то ^а	wno ^а	сего	<с>его	моего	ваше ^а
Род. = Вин. мн. ч.	тѣхъ	wnѣхъ	сѣхъ	ихъ	монхъ	вашихъ

Эти имплицитные размышления Д. Герасимова о славянской одушевленности не остались лишь теоретическим достоянием церковнославянской грамматической традиции, но получили отклик в переводных трудах Максима Грека, который тесно сотрудничал с Герасимовым сразу по приезде в Москву и, как с уверенностью можно утверждать, использовал переведенный Герасимовым “Донат” для изучения церковнославянского [Вернер 2010]. Свидетельством этого являются некорректные формы Вин. неодушевленных существительных разных родов и чисел, появляющиеся в ранних библейских переводах Максима, выполненных предположительно до 1525 г. — IV Маккавейской книги (цит. по списку РГБ, ф. 304.1, № 201, л. 112об-120) и книги Эсфирь (цит. по списку БАН Доброхот. 32 (Воскр. 6), л. 301об-317 об):

IV Маккавейская книга: М 11.25 прѣложити помысла нашег^о (л. 118 об), М 9.3 престѹпити законѧ (л. 113об), М 6.7 имѣаше ї неѹклонна помысла (л. 115), М 7.8 зацицѧти законѧ (л. 116); М 13.1 презрѣша волѣзнен (л. 119 об), М 17.2 немоцныхъ показавши злыхъ егѡ оѹмышлѣнїи (л. 120);

Книга Эсфирь: Е 6.1 гдѣ же ѡдѣтъ сна (л. 311об), Е 6.2 ѡбрѣтѣ* писании списаныхъ ѡ мардохѣе (л. 312), ср. Е 8.5 да возвратѧт писаниѧ посланаѧ ѡ ѧмана (л. 314).

Подобные ошибки встречаются в большем или меньшем объеме в самых разных текстах Максима Грека, как переводных, так и оригинальных, созданных на протяжении всего российского периода его жизни [Olmsted 2002, 6–7]. Даже последний из его переводов — Псалтырь без толкований (1552) — содержит единичные случаи таких форм [Вернер 2013, 120]. За пределами данных некорректных форм Максим также следует Герасимову: последовательно оформляются как омонимичные Род. формы Вин. одушевленных субстантивированных прилагательных, причастий и формы местоимений.

Современные рассмотренным церковнославянским текстам чешские и польские грамматики XVI в. — намештская грамматика Петра Гзела, Бенеша Опата и Вацлава Филоматеса (1531), грамматика Яна Благослава (1571), написанная в форме комментария к намештской грамматике, грамматика Матоуша Бенешовского (1577) и польская грамматика Петра Статориуса-Стоенского (1568) — также эксплицитно не говорят об одушевленности, но так или иначе трактуют формы, с нею связанные. Ни одного из авторов не интересует совпадение Gen. и Acc. в качестве маркера одушевленных имен, однако их внимание привлекают вариативные флексии в Nom. pl., Dat. sing. (в чешском) и Gen. sing. (в польском). Процесс закрепления вариантов за одушевленными и неодушевленными именами в течение XVI в. еще не завершился как в чеш-

ском, так и в польском языках [Gebauer 1960, 37, 101; Ананьева 1994, 162], поэтому авторы грамматик либо просто фиксируют эту вариативность как немаркированную, либо выдвигают парадигматические, морфонологические или же стилистические доводы в пользу одного из вариантов как маркированного.

В первой польской грамматике Петра Статориуса-Стоенского “*Po-lonicae grammatices institutio*” (1568) “сильные” в отношении одушевленности падежные позиции — Nom. pl. и Gen. sing. — представлены вариативными немаркированными флексиями. Варианты *-a/-u* в Gen. sing., зафиксированные для ряда имен, никак не охарактеризованы: *snopu/á, láfu/á, płotá/u, rekawá/u, zwirzu/á*. Об одушевленности как таковой Стоенский упоминает лишь в связи с морфонологическими чередованиями *k/c*, характерными для одушевленных существительных в Nom. pl.: *Qui in ak defiunt, fi rerum animatarū sunt Nomina, formant Pluralem Numerum in acy ut żak / żacy. Si vero rebus non animatis tribuantur, habent Pluralem Numerum in aki ut hak / haki* [Institutio 1568, 60]. Дистрибуция флексий при этом специально не оговаривается, поскольку для француза Стоенского гораздо более актуален вопрос чередований конечных согласных основы, и Nom. pl. выступает здесь как одна из репрезентативных падежных позиций наряду с Loc. sing., который оформлен у Стоенского как частный случай аблатива.

Совпадение Gen. и Acc. одушевленных существительных эксплицитно не отмечено ни в парадигмах, ни в комментариях грамматики Стоенского. Единственным исключением выступает лексема *kielb* ‘пескарь’: Gen. sing. = Acc. sing. *kielbiá*, однако Acc. pl. совпадает с Nom. pl. *kielbie*, как и у всех остальных (одушевленных и неодушевленных) имен мужского рода. Совпадение Nom. и Acc. у одушевленных существительных, помимо относительно позднего (с XVI до начала XVIII в.) распространения омонимии Gen. и Acc. pl. в польском языке [Kucala 1978, 139–143], мотивировано в грамматике Стоенского и той же лингвистической методологией, которую на церковнославянской почве отразил Д. Герасимов, — латинской по происхождению и обращенной к омонимии форм.

Полные парадигмы первого склонения (мужского рода) у Стоенского предваряет список всех флексий, в котором Nom. sing. и Acc. sing. выглядят следующим образом:

N. Multiplex eius terminatio.

A. *a, u, e, y, go* et Sape nominatio fimilis [Institutio 1568, 54].

Таким образом, как минимум для форм ед. ч. указана омонимия прямых падежей. Однако омонимия Gen. и Acc. также обозначена у

Стоенского, но специфическим образом: “генитивно–аккузативные” формы представлены как особый тип аблатива: *Ablatiuum varia esse terminationis. Quod fit cōstructionis ratione. Primum. Ablatiuus propriè sic dictus Genitiuo Accusatiuo est similis. Exempla. Ten kord iest páná mego. Mei heri est hic gladius. Widziales páná mego. Herum meum vidifti. Maß to dobrodziestwo od páná mego. Hoc beneficium habes ab Hero meo. Hic est accusatiuus propriè dictus [Institutio 1568, 70].* И если в приведенном комментарии в примерах используется одушевленное существительное *pan*, то в парадигмах маркированная с точки зрения одушевленности форма “аблатива” приписана также неодушевленным именам, ср. для *poborca*⁵ и *herb* [Institutio 1568, 55]:

Gen. sing. *poborce* = Abl. sing. *poborce* / *poborcu* / *poborca*
 Gen. pl. *poborcow* = Abl. pl. *poborcow* / *poborcach* / *poborcámi*
 Gen. sing. *herbu* = Abl. sing. *herbu* / *herbem* / *herbie*
 Gen. pl. *herbow* = Abl. pl. *herbow* / *herby* / *herbiech*.

Таким образом, Стоенский, подобно Герасимову, воспринимает совпадение Gen. и Acc. не как формальную особенность одушевленных имен, но как частный случай универсальной падежной омонимии. Об этом свидетельствует и распространение Gen. = Acc. на неодушевленные имена, и упоминание об одушевленности как таковой только в связи с дифференцированными формами Nom. pl.

В чешской грамматике Матоуша Бенешовского (1577), практически лишенной метатекста, однако впервые в истории чешского языка содержащей полные парадигмы, Nom. pl. представлен также неохарактеризованными вариантными формами, ср. одушевленные *Pijfaři* и *Pijfařowé* и неодушевленные *hřijchowé* и *hřijfy* [Benešovský 2003, 16–17].

Вариативным флексиям Dat. sing. уделяет внимание Вацлав Филоматес, которому принадлежит авторство морфологического раздела в грамматике 1533 г. Филоматес приводит примеры только одушевленных имен и предлагает либо стилистическое распределение форм на *-u* и *-ovi* (*poslu* употребляется обычно, а *poslovi* звучит уменьшительно, по-детски или по-женски), либо обосновывает выбор варианта парадигматически, исходя из устранения омонимии с другими падежами (лучше говорить *dědkovi*, не *dědku*, так как последняя форма совпадает с вокативом): *Variat quandoque datives casus. Říkáme dej tomu poslu list, poslovi; první jest usitatum, druhé jest dětinské a ničemnè prorsus puerile vel muliebre. Ale zase lépe díš dej dědkovi, a ne dědku; nebo dědku jest vocativus casus* [Gramatika 1991, 74b].

Однако в грамматике Вацлава Филоматеса есть любопытный случай, демонстрирующий расподобление, в полном согласии с основным прин-

ципом устройства чешской одушевленности, иных вариантных именных форм. Это формы личных местоимений, которые особо занимают автора (им он посвящает в своем тексте больше места, чем существительным). Речь идет о формах личного местоимения третьего лица *on*, которые и в современном чешском языке в Gen. и Acc. имеют три варианта: *jeho*, *ho*, *jej*. Между ними есть и синтаксические отличия (*jeho* и *jej* являются полными формами, *ho* — энклитикой), и семантические (*jeho* заменяет только одушевленные существительные, а *jej* и *ho* может употребляться как по отношению к одушевленным, так и к неодушевленным):

Gen. *jeho*, *ho*, *jej* *Jeho* jsem neviděl (= bratra) //

Acc. *jeho*, *ho*, *jej* *Jej* jsem neviděl / Neviděl jsem *ho* (= bratra, časopis)

(Gen. = Acc. личного местоимения *jeho* = притяжательное местоимение *jeho*).

Вацлав Филоматес сразу исключает из этого ряда форму *jeho*, дабы избежать омонимии с притяжательным местоимением *jeho*: *Mezi ho a jeho veliký rozdíl jest. Nebo jeho jest pronomen numeri singularis, casus genitivi, a exponuje se ex pronominibus illius, ipsius a (když jest relativum) cuius...* Neb *ho* significat ipsam personam; ale *jeho* significat aliquam eius possessionem. *Jeho*, t. nětco což jemu přísluší [Gramatika 1991, 97b, 99a].

Оставшиеся две формы он дифференцирует: *ho* как одушевленную, *jej* — как неодушевленную, речь при этом идет о вариантах Acc.: *To slovo jej* vykladačí personis animatis rationalibus velmi nevlastně přikladali; neb jim vlastně *ho* přísluší. Exemplum: *Excepit illum gaudens, přijal ho (ne jej) raduje se.* Též: *Et viso eo misericordia motus est, a vida ho (ne jej) milosrdenstvím hnut jest. Jej* vlastně rebus inanimatis et irrationalibus přísluší. Exemplum: *Petrus habens gladium eduxit eum, Petr maje meč vytrhl jej, ne vytrhl ho.* Též: *In posterum succides eam, potom jej (ne ho) podetneš* [Gramatika 1991, 99a].

Таким образом, дифференциация происходит по модели именной парадигмы, в которой чех Вацлав Филоматес видит прежде всего не совпадение форм Gen. и Acc. sing. одушевленных, а расподобление форм одушевленных и неодушевленных в Gen., Dat. и Loc. sing. и Nom. и Acc. pl. Разумеется, эта дифференциация для местоименных форм является искусственной; эту искусственность демонстрирует и состояние современного чешского языка, и комментарий Яна Благослава в Грамматике (1571), который, в общем соглашаясь с рациональностью правила Филоматеса, замечает, что существует слишком много ограничений для его использования, таких как благозвучие, переводческий узус и другие стилистические и социолингвистические факторы [Gramatika 1991, 98b, 99b].

Наконец, последний — словацкий — текст демонстрирует еще более интересный случай выражения одушевленности, отличающийся от представленных выше. Это текст Камальдулской Библии — первого собственно словацкого перевода на основе Вульгаты, выполненного монахами ордена камальдулов в Восточной Словакии и дошедшего до нас в рукописи 1756–59 гг. Литературно-языковая ситуация в Словакии тесно связана с ситуацией конфессиональной, поскольку для словацких протестантов литературным и литургическим языком с XVI в. являлся чешский, так называемая “библичина”, представленная в Кралицкой Библии (1579–1593). Католический же перевод, о котором пойдет речь, выполнен на словацкий без посредства чешского текста, но язык перевода несет на себе явный отпечаток чешской орфографии и морфологии [Смирнов 2002, 97–104; Krasnovská 2002].

Как уже говорилось, в чешском и словацком языках есть значительные отличия в парадигматических средствах выражения одушевленности: если в чешском нет омонимии Gen. и Acc. pl., то в словацком, как и в русском, эти падежи у одушевленных имен всегда совпадают, и словацкие тексты XVII–XVIII вв. хорошо это отражают: Acc.pl. в них имеет флексию *-ív* [Лифанов 2002, 66].

Однако в переводе Камальдулской Библии последовательно представлен иной вариант оформления одушевленных существительных: Acc.pl. употреблен с флексией *-ú*, тогда как Gen.pl. — с флексией *-ív* [Swaté Biblia 2002]:

Gen.pl.: odéwzďal gich do ruk roztržencúw (Sud. 2:14), za dnúw geych smilowal sa nad nyma (Sud 2:18), okolo deset tisycúw wšeckych sylnych a udátnych Mužúw (Sud 3:29), nawratili sa do domúw swych (Sud 9:55).

Acc.pl.: kďi pozabjgal obywatelú městkych (Sud 8:17), y poslal potagemňe k Abimelechowu poslú (Sud 9:31), y towaryssú geho wyhnal z Mesta (Sud 9:41), abysme mohli dohaňat Zebeea a Sálmana Králúw Madyánskych (Sud 8:5).

Таким образом, присущая словацкому языку омонимия Gen. и Acc. pl. устранена, флексии падежей расподоблены так же, как это имеет место в чешском языке. Осуществлено это с помощью окончаний *-ú* и *-ív* — вариантных флексий Gen. pl. существительных мужского рода и в словацком, и в чешском языке (впоследствии в чешском их конкуренция разрешится в пользу *-ú*, а в словацком, напротив, в пользу *-ív* > *-ov*). Очевидно, что на словацкую почву перенесена модель чешская⁶, по сути противоположная, основанная на дифференциации, а не на совпадении форм Acc. и Gen. pl. Мотивирован такой выбор социокультурным статусом родственного языка: несмотря на то, что при переводе чеш-

ский текст не использовался, чешский литературный язык для словаков в XVII–XVIII вв., безусловно, являлся эталоном литературного языка.

Все рассмотренные оригинальные образцы “изобретения” славянской грамматики призваны продемонстрировать две важные проблемы. Во-первых, это проблема квазиошибок, мотивированных определенными, зачастую личностными и оригинальными языковыми установками авторов, претендующих на кодификацию литературного языка. Конкретные механизмы возникновения квазиошибок могут быть очень разными; в случае с одушевленностью таким механизмом служит универсализация репрезентативной для того или иного языка оппозиции и ее распространение за пределы соответствующих грамматических форм.

Во-вторых, традиционно, начиная с грамматических описаний старославянского языка, одушевленность трактуется именно как совпадение Род. и Вин., то есть доминирует “руссоцентрический” вариант. Если для ранних старославянских памятников это оправдано, то для исторических грамматик более позднего периода развития отдельных славянских языков ситуация должна быть скорректирована с учетом разных возможностей выражения одушевленности. Между тем новейшая историческая грамматика русского языка, рассматривая одушевленность на материале всех славянских языков, ограничивается только омонимией Род. и Вин., возникающей на фоне синкретизма Им. и Вин. [Иорданиди, Крысько 2000, 192–198]. Рассмотренные тексты и грамматики дают все основания говорить о необходимости комплексной трактовки славянской одушевленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. подобную трактовку одушевленности в [Исаченко 1965]. Существует точка зрения, рассматривающая одушевленность как лексико-грамматический разряд [Бондарко 1976, 184–189; Русская грамматика 1980, 464]. Сложилась также традиция рассмотрения одушевленности как компонента категории рода, представленная как в славистике в целом [Ревзин 1969, Stieber 1979], так и в национальных филологиях [Зализняк 1967, Mańczak 1956, Horecký 1966, Pauliny 1981 и др.].

² Категория личности (мужского лица) в польском и словацком языках выражается морфологически и синтаксически. Морфологическими средствами выражения служат омонимия Gen. = Acc. sing. и pl. и дифференциация флексий Nom. pl., то есть в парадигме ед. ч. мужское лицо представлено “внутри” категории одушевленности; в парадигме мн. ч., напротив, одушевленность “поглощается” категорией личности.

³ В словацком языке особую категорию или лексико-грамматический разряд составляют анимальные существительные, ведущие себя двояко: в ед. ч. они склоняются так же, как остальные одушевленные, а во мн. ч. их формы Nom. и Acc. могут совпадать с флексиями неодушевленных (в нейтральном употреблении) или

одушевленных существительных (в контекстах так называемой персонификации), при этом ряд анимальных существительных (типа *vlk, pes*) имеет дублетные формы (*vlci / vlky, psi / psy*) независимо от контекста [Лифанов 1992, 8–17].

⁴ Дифференциация флексий Nom. pl. в твердом и мягком типе склонения отличает чешский язык от польского, где только лично-мужские существительные твердо-го типа склонения имеют особые флексии, тогда как большинство существительных мягкого типа склонения вне зависимости от семантики имеет одно окончание *-e*.

⁵ Польские существительные типа *poborca* до второй половины XVIII в. склонялись как имена женского рода [Ананьева 1994, 167], у Стоенского так же, за исключением флексии Gen. pl. *poborcow* = Abl. pl. *poborcow*.

⁶ В лингвистическом комментарии, сопровождающем фототипическое издание Камальдулской Библии, представлена иная точка зрения на происхождение рассматриваемых форм, отрицающая чешское влияние ввиду отсутствия в чешском совпадения Gen. pl. и Acc. pl. [Krasnovská 2002, 1040]. Флексия *-í* в Acc. pl. связывается с западно-словацкими диалектами, где она присуща не только Acc. pl., но и Gen. pl. При этом остается никак не объясненным факт присутствия диалектной флексии в Acc., но отсутствия характерной для диалекта и литературного языка омонимии флексий Acc. и Gen.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьева Н.Е., 1994: *История и диалектология польского языка*. Москва.
- Бондарко А.В., 1976: *Теория морфологических категорий*. Ленинград.
- Вернер И.В., 2010: О языковой практике Максима Грека раннего периода *sub specie grammaticae*, *Славяноведение*, 4. 30–39.
- Вернер И.В., 2013: Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г., in *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации*. Москва, 104–127.
- Зализняк А.А., 1967: *Русское именное словоизменение*. Москва.
- Иорданиди С.И., Крысько В.Б. (ред.), 2000: *Историческая грамматика древнерусского языка*. Т. 1. Множественное число именного склонения. Москва.
- Исаченко А.В., 1965: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. Братислава.
- Лифанов К.В., 1992: Статус категорий одушевленности-неодушевленности, анимальности и персональности в словацком языке, in *Исследования по словацкому языку*. Москва, 3–18.
- Лифанов К.В., 2000: *Язык духовной литературы словацких католиков XVI–XVIII вв. и кодификация А. Бернолака*. Москва.
- Мельчук И.А., 2000: *Курс общей морфологии*. Т. 3. Москва; Вена.
- Ревзин И.И., 1969: О иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного), *Советское славяноведение*, 3. 66–79.

- Русская грамматика, 1980: *Русская грамматика*, т. 1. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва.
- Смирнов Л.Н., 2002: История переводов Библии на словацкий язык, in *Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков*. Москва, 96–120.
- Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А., 1990: *Чешский язык*. Москва.
- Benešovský M., 2003: *Grammatica Bohemica. Knižka slov českých vyložených*. Ed. O.Koupil. Praha.
- Gebauer J., 1960: *Historická mluvnice jazyka českého*, Díl III/1, Tvarosloví, I. Skloňování. Praha.
- Gramatika, 1991: *Gramatika česká Jana Blahoslava*. Edd. M.Čejka, D.Šlosar, přel. J. Nechutová. Brno.
- Donat, 2002: *Der russische Donat: Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik. Historisch-kritische Ausgabe. Herausgegeben und kommentiert von V. S. Tomelleri*. Köln, 2002.
- Horecký J., 1966: Model gramatického rodu v západnoslovanských jazycích, *Jazykovedný časopis*, roč. XVII, č. 1. 3–12.
- Institutio, 1568: *Polonicae grammaticae institutio*. Cracoviae, 1568.
- Krasnovská E., 2002: Orthographische, phonologische und morphologische Aspekte der Kamaldulenser-Bible in: *Swaté Biblia Slowenské aneb Pisma Swatého*. Částka II. Slowakische Bibel, Band II. Red. H. Rothe, J. Doruľa. Ed. Biblia Slavica. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz unter Mitarbeit von Christian Hannick, Ludger Udolph. Ferdinand Schöning, Paderborn — München — Wien — Zürich, 1009–1042.
- Kucala M., 1978: *Rodzaj gramatyczny w historii polszczyzny*. Wrocław.
- Mańczak W., 1956: Ile rodzajów jest w polskim?, *Język polski*, XXXVI. 116–121.
- Olmsted H.M., 2002: Recognizing Maksim Grek: Features of his Language, *Palaeoslavica*, X, no.2, 1–26.
- Pauliny E., 1981: *Slovenská gramatika*. Bratislava.
- Stieber Z., 1979: *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*. Warszawa.
- Swaté Biblia, 2002: *Swaté Biblia Slowenské aneb Pisma Swatého*. Částka I – II. Slowakische Bibel, Band I., II. Red. H. Rothe, J. Doruľa. Ed. Biblia Slavica. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz unter Mitarbeit von Christian Hannick, Ludger Udolph. Ferdinand Schöning, Paderborn — München — Wien — Zürich.

INNA VERNER

Quasi-Oppositions in the XVI-XVIIIth Century Texts and Grammars as Markers of Slavic Animacy

This article examines the paradigmatic expression of animacy in the XVI–XVIIIth century Russian, Polish, Slovak and Czech languages. In Russian, animate nouns are marked only by neutralization of the Acc. and the Gen. forms, whereas in Czech, the differentiation of animate and inanimate nouns is marked primarily by different case endings for a single grammatical case. Polish and Slovak use both methods.

Some texts and grammars from the early development stages of the modern Slavic literary languages reflect the creation of certain artificial oppositions. These quasi-oppositions are present in Dmitry Gerasimov's and Maximus the Greek's translations of the Church Slavonic *Donatus*, in the first Polish grammar by Pierre Statorius (1568), in the Czech grammars by Beneš Optat, Petr Gzel and Václav Philomathes (1531), Jan Blahoslav (1571) and Matouš Benešovský (1577), as well as in the Slovak Camaldolese Bible (1756–59).

Key words: animacy, Slavic grammars, Slavic translations, Dmitry Gerasimov, Maximus the Greek, Pierre Statorius, Beneš Optat, Petr Gzel, Václav Philomathes, Jan Blahoslav, Matouš Benešovský, the Camaldolese Bible.

INNA VERNER

XVI–XVIII a. tekstų ir gramatikų kvaziopozicijos kaip gyvos būtybės kategorijos žymekliai slavų kalbose

Straipsnyje analizuojami paradigminiai gyvumo kategorijos raiškos būdai rusų, lenkų, slovakų ir čekų kalbose. Rusų kalba, kurioje gyvumo kategorija yra pažymėta tik Acc. ir Gen. neutralizacija, yra priešinga čekų kalbai, kur daugiausia vartojama galūnių diferenciacija gyviesiems ir negyviesiems daiktavardžiams pažymėti. Mišrūs variantai vartojami lenkų ir slovakų kalbose. Kai kurie tekstai ir gramatikos iš ankstyvų slavų bendrinių kalbų vystymosi stadijų rodo autorių kalbinėje sąmonėje gyvųjų ir negyvųjų vardų raiškos priemonių fiksaciją kaip universalių, tarp jų pastebimas kai kurių dirbtinių opozicijų kūrimas. Tokios kvaziopozicijos aptinkamos veikalų *Donatus* vertime į senąją slavų kalbą, atliktame D. Gerasimovo, taip pat M. Graiko vertimuose, P. Statoriuso lenkų kalbos gramatikoje, B. Optato, P. Gzelo ir V. Filomathes (1531), J. Blahoslavo (1571), M. Benešovskio (1577) čekų kalbos gramatikose, taip pat slovakų Kamaldoleses biblijoje (1756–1759).

Reikšminiai žodžiai: gyvųjų ir negyvųjų gramatinė kategorija, slavų kalbos, gramatikos, vertimai, D. Gerasimovas, M. Graikas, P. Statorius, B. Optat, P. Gzel, V. Filomathes, J. Blahoslav, M. Benešovský, Kamaldoleses biblija.

E-mail: inna.verner@mail.ru

Поступило в редакцию: 15 мая 2014 г.

Принято к печати: 18 июня 2014 г.